

«Во всех делах сын — мой самый строгий судья»

все время обнадеживал: «Все равно мы свой театр сделаем». И ведь сделали.

- Вам повезло, попали в «благословенные шестидесятые». Действительно была какая-то особая атмосфера в то время?

— Разве это опишешь?! Не спали ночами, спорили до хрипоты об искусстве... Когда мы с Женей Евстигнеевым поженились, то сначала снимали комнату в коммуналке недалеко от театра. Там все по очереди ночевали, иногда и весь театр заваливался — тогда он, к счастью, был поменьше, чем сейчас. Соседи были чудесные — они все это терпели. У нас стояла широченная кровать, мы укладывались на нее поперек — так больше народу помещалось. Мы пели, читали стихи. Поскольку наша комната до рождения

том, тула приходили все: Женя Евтушенко, Роберт Рождественский, Булат Окуджава, Володя Высоцкий... Оно и понятно — круг-то был узкий. Хотя, как говорит одна моя приятельница, не столько круг узок, сколько слой тонок. Однажды тогда еще начинающий режиссер Элем Климов привел к нам иностранцев и говорит: «Потрясающие ребята приехали из Чехословакии, новая волна». Среди них был Милош Форман. Под угро легли спать, мужчины — на полу. Я лежала с краю кровати и, вставая, чуть не раздавила бедного Формана. Сильнее надавила бы — остался бы мировой кинематограф без великого режиссера. Я думала, что Милош в величии своем этот случай давно забыл, но когда мы уже в 90-е годы повстречались на кинофоруме, он меня

как ты меня чуть было не раздавила».

А как мы принимали знаменитого американского драматурга Эдварда Олби! Когда он впервые приехал в Союз, то пришел к нам в театр — тогда все первым делом шли в «Современник». После спектакля собрались у Ефремова в кабинете. Ну не всухую же обсуждать творческие вопросы? Скинулись по рублю, послали кого-то в ближайший ресторан за водкой и элементарной закуской. Олби с удивлением на это смотрел. В те же голы иностранцам показывали только глянцевые стороны нашей жизни... В общем. нас было много, водки не хватило, и мы еще по рублю стали скидываться. Олби, захваченный общей эмоцией, но продолжая недоумевать, тоже вложил свой рубль. Вскоре, когда уже все было выпито и съедено, он осознал, что все-таки очень голоден. Тогда мы решились на героический поступок - повести его в ВТО. Уже была ночь, нас туда с трудом пустили. А там все в дыму, артисты в сильном подпитии, кто-то выясняет отношения: гений он или нет. шум. гвалт... Олби был потрясен. Мы же сказали, что идем в актерский клуб, и он представлял себе нечто совершенно другое. А тут еще выяснилось, что кухня уже закрыта. Рядом за столиком сидела артистка Оля Бган и ела блюдо под названием «зубрик» — на сковородочке мелкие кусочки мяса, чем-то залитые. Поняв, что для нас еды не предвидится, я обратилась к ней со словами: «Оля, ты представляешь, это настоящий Олби, он приехал из Америки, он голодный. Не доедай, пожалуйста, «зубрик», покорми его». И она отдала ему половину. Он был счастлив. Я думаю, что тогда он Россию оценил.

- Вы вышли замуж за Евгения Александровича после института?

 Да. Это было самое начало «Современника». Мы поженились в 1957 году.

- По любви?

- А как же иначе? И влюбленность была, и любовь, и желание доказать себе и всем вокруг, какой он на самом деле. Все же тогда были в шоке от нашего союза, ведь мы с Женей были очень разные. Я профессорская дочка, он парень из провинции, в прошлом нижегород-

владимирского театра, где начинал свою актерскую судьбу. Только его замечательный талант дал ему такое имя. Конечно, в глазах окружающих наш брак был мезальянсом. С папой я на несколько лет вообще порвала из-за этого... Потом-то он обожал Женю и снимал его в своих фильмах, но на первых порах... Он не ожидал, что я приведу в дом человека совершенно из другой среды, который подругому выглядел, по-другому говорил, ла и был старше меня на семь лет. Но я увидела Женю сразу. Ведь человека можно увидеть не только глазами...

- Обычно творческие люди долго решаются на рождение ребенка, ведь с его появлением в жизнь вносятся ограничения...

- Я всегда обожала детей и очень хотела своего ребенка. Просто так сложилось, что родила не сразу. Но на работу я вышла, когда Денису было 17 дней, вела вечер «Современника» в ЦДЛ.

- С сыном были запретные темы?

Нет. У нас абсолютно откровенные отношения. Я в нем личность уважала с первых шагов в буквальном смысле слова. Конечно, я его и тискала, и баловала, но общалась с ним всегда по-взрослому. Не знаю, что про это думают детские психологи, но я убеждена в том, что ребенок, еще не понимая слов, интонацию правды или, наоборот, лукавства, лжи чувствует с самого маленького возраста.

— С мужем вы на равных участвовали в воспитании ребенка?

- Поначалу Женя был даже больше мамой, чем я. Он вставал ночью и слушал — дышит Денис или нет. Денег было очень мало, игрушки нормальные купить не могли, но Женя кажлый день приносил Денису воздушный шарик единственное, на что хватало средств. Кажлый божий день.

Сколько лет было Денису, когда вы пазошлись?

 Маленький совсем, два года восемь месяцев. Когда произошел наш разрыв. я посадила его на кресло напротив себя...

— Что значит «произошел разрыв»?

- Я поняла, что жить в двойной ситуании для меня немыслимо.
- Лвойная ситуация была с вашей сто-
 - С Жениной. Я бы так не смогла.

Мы снизили цены!

Теперь до СОДО вешевлей

